

Это самая распространённая, самая злокачественная болезнь нашей речи. Таким убийственным словом заклеил эту болезнь ещё в XX-м веке редкостный знаток русского языка и чудодей слова Корней Иванович Чуковский. Статья его так и называлась «Канцелярит» и прозвучала как SOS. Увы, канцелярит не сдаётся, а разрастается, ширится. Постылые штампы, которые не несут ни мысли, ни чувства, угнетают нашу устную и письменную речь.

Уже не пишут просто: «Труженики села повышают производительность труда», а непременно: *«принимают активное участие в борьбе за повышение производительности труда»*... Уже давно утвердился штамп: ведут борьбу за повышение (заметьте, не *борются*, а именно *ведут борьбу!*) Метастазы канцелярита ползут дальше: *участвуют в борьбе за повышение* – и ещё дальше: *принимают активное участие в борьбе за повышение*...

Простые обороты и слова заменяются трафаретами. Об этом также писал и Павел Нилин: «... человек, желающий высказаться покультурнее, не решается порой назвать шапку шапкой, а пиджак пиджаком. И произносит вместо этого строгие слова: «головной убор», «верхняя одежда», «зелёный массив», «нерентабельно», «палочные изделия», «конфликтовать», «лимитировать» и т. д. Вместо «пошли сильные дожди» употребляют «выпали обильные осадки».

Таких примеров нет числа. Слишком много бессодержательных, пустых, мёртвых слов, от них фраза становится неподвижной, застойной, тяжеловесной. Ведь есть двигатель фразы – глагол, жаркий, живой, которым и можно «жечь сердца». Вспомним Пушкина: «... ямщик *поскакал*, но всё *поглядывал* на восток. Лошади *бежали* дружно... Ветер *завыл*, *сделалась* метель...» Всё понятно, быстро, динамично – благодаря глаголу. Никаких косвенных падежей, причастий и деепричастий, придаточных предложений.

«Язык готовых выражений, штампов, каким пользуются нетворческие писатели, – писал А.Толстой, – тем плох, что в нём утрачено ощущение движения, жеста, образа...»

Что же такое КАНЦЕЛЯРИТ? – спрашивает Нора Галь в своей книге «Слово живое и мёртвое». И перечисляет его очень точные приметы:

Это – вытеснение глагола, то есть движения, причастием, деепричастием, существительным (особенно отглагольным), а значит – застойность, неподвижность. Из всех глагольных форм – пристрастие к инфинитиву.

Это – нагромождение существительных в косвенных падежах, чаще всего длинные цепи существительных в одном и том же падеже – родительном, так что уже нельзя понять, что к чему относится и о чём идёт речь. Получается «дом племянника жены кучера брата доктора»(!!!)

Это – обилие иностранных слов там, где их можно заменить словами русскими.

Это – вытеснение активных оборотов пассивными, почти всегда более тяжёлыми, громоздкими.

Это – тяжёлый, путаный строй фразы, невразумительность. Несчётные придаточные предложения, вдвойне тяжеловесные и неестественные в разговорной речи.

Это – серость, однообразие, штамп, убогий, скудный словарь: и автор, и герои говорят одним и тем же сухим, казённым языком.

Короче говоря, канцелярит – это мертвечина. Он проникает и в художественную литературу, и в быт, и в устную речь. Даже в детскую. Из официальных материалов, из газет, от радио и телевидения канцелярский язык переходит в повседневную практику. Много лет так читали лекции, писали учебники и даже буквари.

С молодых ногтей дети приучаются к штампам. Бегут двое мальчишек в кино, один на бегу спрашивает:

– А билеты я тебе *вручил*?

И другой пыхтя отвечает:

– *Вручил, вручил.*

Случается и в быту... На рынке немолодая чета соображает, купить ли огурцы. Милая старушка говорит мужу:

– Я ведь почему спрашиваю, ты же сам вчера *ставил вопрос о солке огурцов...*

Вот ещё примеры перевода писателя-классика, и там те же канцеляризмы:

«Способность к усыплению»; «Я попытался привести себя в бодрствующее состояние»; «Нет возможности составить догадку о нашем местоположении»; «...заходя в иные измерения с целью преодоления расстояния»; «Это не способствовало искоренению недуга».

Десятки раз встречаем «испытывал чувство тоски, радости, горечи» и т. д. Куда лучше просто сказать *досадовал, горевал, радовался* или, на худой конец, *был огорчён, был счастлив*. Впал в состояние *прострации* сказано там, где можно верней и выразительней применить глагол *оцепенел*.

От пристрастия к существительным и нелюбви к глаголам получаются разные нелепости. Приводим примеры из уже рекомендованной книги переводчицы Норы Галь:

«Диктор читает по радио: «Наш союз *положил конец* такому положению, когда... Тавтология! Избежать этого было проще простого – обойтись без лишнего существительного: ...*покончил* с тем положением...»

Или вот рассказ, перевод с фламандского: «Женщина была слишком непривлекательной и истощённой. Ни один мужчина не соблазнится *такой неряхой, пропахшей нищетой...*» Совпали падежи в главном и управляемом слове, поэтому непонятно, что к чему относится, чем не соблазнится мужчина – неряхой, нищетой?

Иногда авторы заменяют глагол целыми гирляндами причастий и деепричастий. В английской и французской речи эти формы встречаются чаще, чем в русском языке и звучат непринуждённой, разговорней, чем в русском. Ещё в прошлом веке деепричастия хлынули к нам вместе с другими г а л л и ц и з м а м и (галлицизм – *лат. Gallikus* галльский – слово или выражение, заимствованное из французского языка; оборот речи, построенный по образцу французского языка: *мерси, пардон*. Или у писателей-классиков построения с деепричастным оборотом, грамматически неправильные с точки зрения русского языка: *Имея право выбирать оружие, жизнь его была в моих руках* – А. С. Пушкин. Это тоже галлицизм).

Не в диковинку было высмеянное Чеховым незабываемое: «Подъезжая к сией станции и глядя на природу в окно, у меня слетела шляпа». Живой *современной* русской речи деепричастия и причастия не свойственны, разве что в официальных докладах, которые читаются по бумажке.

В литературе причастиями и деепричастиями надо пользоваться с оглядкой. Два-три причастия и деепричастия в одной фразе затрудняют восприятие. Например: «Он был абсолютно прав, *спрашивая вас...*» Не лучше ли так: *он правильно сделал, что спросил вас.*

Страсть к деепричастиям приводит к хрестоматийной ошибке: «*Производя измерения*, линейка невольно задевала то одного, то другого». Кто же здесь производит измерения? Человек или линейка? Опять как в сочинении шестиклассницы: «*Выходя к доске*, у меня тряслись коленки».

Едва ли стоит сводить деепричастие с причастием: «...дымок, *поднимавшийся* над жареной картошкой, *отражаясь* в зеркалах...»

Подведём итог разговору о канцеляризмах, обратимся к высказыванию современного учёного, лингвиста Д. Э. Розенталя: «Речевые штампы выражаются в том, что одни обиходные слова влекут за собой появление других, «парных» слов, «слов-спутников»: если «критика», то «резкая»; если «поддержка», то «горячая»; если «размах», то «широкий»; если «задачи», то «конкретные» и т. д. Писатель Г. Рыклин в фельетоне «Совещание имён существительных» остроумно высмеял это тяготение к «словам-спутникам». Он привёл такие примеры: в п е ч а т л е н и е непременно *неизгладимое*, п у л я – *меткая*, б о р ь б а – *упорная*, в о л н а – *мощная*, отрезок времени – *сравнительно небольшой*; р е ч ь – *взволнованная*; у т р о – *прекрасное*; ф а к т – *яркий*; р я д – *целый* и т. д. В результате, как указывает автор, можно создать такой текст: «В одно *прекрасное утро*, на лужайке недалеко от окраины, которая за *сравнительно небольшой отрезок времени* до *неузнаваемости* преобразилась, широко развернулись прения и *целый ряд* ораторов выступил со *взволнованными речами*, где были приведены *яркие факты упорной борьбы* имён существительных против шаблона. Получилась *любопытная картина*, которая не могла не оставить *неизгладимого впечатления*. Будем надеяться, что эта *мощная волна* протеста против однообразия прилагательных дойдёт до литераторов и они *твёрдой поступью* пойдут *по пути улучшения* своего языка». Комментарии, как говорится, излишни!